

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-729-747>

<https://elibrary.ru/TYTRNA>

ПИСЬМА СЕРГЕЯ ГЕССЕНА В ЛОНДОНСКОМ АРХИВЕ НИКОЛАЯ ГАНЦА

© 2024 г. О.Е. Осовский, В.П. Киржаева

Аннотация: Среди выдающихся достижений О.А. Коростелева как исследователя российского зарубежья важное место занимает работа ученого с архивным наследием эмиграции, в частности с ее эпистолярием. В ходе нее, в т. ч. при издании архива редакции «Современных записок», О.А. Коростелевым и его единомышленниками была предложена совершенная модель исследовательской, комментаторской и издательской работы с эпистолярием крупнейших фигур зарубежья. В центре статьи — письма Сергея Гессена педагогу-компаративисту Николаю Ганцу за период с середины 1920 гг. до конца 1940 гг. С. Гессен и Н. Ганца с 1923 г. связывали тесные дружеские и творческие отношения, совместная работа над книгой “Educational Policy in Soviet Russia” (London, 1930) и ее немецким переводом. Письма Гессена, сохранившиеся в лондонском архиве Ганца, содержат важные свидетельства, уточняющие и дополняющие многое не только в научной биографии выдающегося философа и педагога, но и в политической, культурной и педагогической жизни российской эмиграции первой волны. Большая часть приводимых в статье писем вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: российское педагогическое зарубежье, С.И. Гессен, Н.А. Ганц, эпистолярное наследие, архив.

Информация об авторах:

Осовский Олег Ефимович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, ул. Студенческая 11 а, 430007 г. Саранск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Киржаева Вера Петровна — доктор педагогических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская 68, 430005 г. Саранск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3337-7579>

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Для цитирования: *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* Письма Сергея Гессена в лондонском архиве Николая Ганца // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 729–747. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-729-747>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

SERGEI GESSEN'S LETTERS IN NICHOLAS HANS' LONDON ARCHIVE

© 2024. Oleg E. Osovsky, Vera P. Kirzhaeva

Abstract: Oleg Korostelev's work with the Russian émigré archival heritage especially with its epistolary is a great achievement of contemporary emigrantica. In their studies including the publication of "Sovremennye zapiski" editorial board archive the scholar and his associates proposed a perfect model of research, commentary and publishing work with the epistolary of Russia Abroad. The article is focused on Sergei Gessen's letters in Nikolas Gants archive in London. The correspondence between the outstanding Russian philosopher and educator and his friend, an eminent British specialist in comparative education, started in 1920s and lasted till late 1940s. The scholars had close friendly and creative relations since 1923, co-worked on the book titled "Educational Policy in Soviet Russia" (London, 1930) and its German translation. Gessen's letters contain important details clarifying and supplementing a lot in his biography as well as in the political, cultural and pedagogical life of the first wave Russian emigration. Most of the letters cited in the article are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Russian pedagogical emigration, S. Gessen, N. Gants, epistolary heritage, archive.

Information about the authors:

Oleg E. Osovsky, DSc in Philology, Chief Researcher, M.E. Evseviev Mordovia State Pedagogical University, Studencheskaya St. 11 a, 430007 Saransk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Vera P. Kirzhaeva, DSc in Pedagogics, Professor, N.P. Ogarev Mordovia State University, Bol'shevistskaia St. 68, 430005 Saransk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3337-7579>

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

For citation: Osovsky, O.E. and V.P. Kirzhaeva. "Sergei Gessen's Letters in Nicholas Hans' London Archive." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, sci. ed. E.R. Ponomarev, M. Schrubba, ed. M.S. Shchavilinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 729–747. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-729-747>

Эпистолярный российский эмиграции составляет важнейшую часть литературного, культурного и научного наследия российско-го зарубежья. Научный вклад О.А. Коростелева в исследование этой проблемы, равно как и других аспектов литературной и культурной истории эмиграции, настолько значителен, что он мог бы стать предметом специальной работы. Собственную оценку этого вклада мы имели возможность высказывать еще при жизни ученого [4; 6], поэтому позволим себе ограничиться лишь одним утверждением: нет сомнений, что труды О.А. Коростелева на многие десятилетия определили характер и направление изучения зарубежной России и будут востребованы в будущем. Среди наиболее значительных достижений О.А. Коростелева и его единомышленников особого внимания заслуживает издание архива редакции «Современных записок» [10], в котором, без преувеличения, была предложена совершенная модель исследовательской, комментаторской и издательской работы с эпистолярием крупнейших фигур зарубежья. Как известно, В.В. Набоков в предисловии к переводу романа «Дар» говорил, что главная героиня его книги — русская литература [1, с. 50]. Перефразируя писателя, можно сказать, что в этом четырехтомнике удалось создать новый жанр — документальный роман в письмах, основными персонажами которого стали литература и культура российского зарубежья.

В центре нашей статьи письма выдающегося философа и педагога С.И. Гессена (1887–1950) его многолетнему другу и соавтору Н.А. Ган-

цу (1888–1969), хранящиеся в фонде последнего в библиотечно-архивном отделе Института образования Университетского колледжа в Лондоне¹. Гессен не нуждается в особом представлении и хорошо известен исследователям российского зарубежья. Ограничимся цитатой из преамбулы О.А. Коростелева и М. Шрубы к публикации писем Гессена: «Как философ С.И. Гессен занимался вначале проблемами эпистемологии в духе неокантианства, защитив в 1909 г. в Германии соответствующую кандидатскую диссертацию; впоследствии он работал преимущественно в области философии культуры, государства и права, выступая с трудами по теории социализма, проблемам демократии и правового государства. Следует упомянуть также его редакторскую деятельность в области философии — Гессен был одним из основателей и редактором ежегодника “Логос” (СПб.; М.; Прага, 1910–1914, 1925).

Второй основной специальностью ученого была педагогика; Гессен отдавал много сил таким областям, как теория и практика педагогики, история педагогики, сравнительная педагогика. Объединив эти две отрасли науки, Гессен занимался в первую очередь философскими проблемами науки о воспитании и обучении, развивая постепенно свою концепцию педагогики как “прикладной философии”» [10, т. 3, с. 97–98].

Без сомнения, переписка Гессена с редакторами «Современных записок» — одна из самых интересных глав литературной и интеллектуальной истории эмиграции, которая показывает роль философа в культурной и литературной жизни эмиграции 1920–1930-х гг., выходящую далеко за пределы его философско-педагогической деятельности [подробнее см.: 9]. Добавим, что в этой переписке появляется и Ганц, рецензии которого Гессен рекомендует журналу. Пристального внимания заслуживает и сама фигура ученого хотя бы в силу того, что его биография представляет достаточно редкий пример судьбы беженца, сумевшего найти свое место в педагогическом сообществе страны пребывания. При этом письма Гессена М.В. Вишняку, опубликованные в общем корпусе его переписки с редакцией, оказались для нас весьма существенны в реконструкции научной биографии Ганца конца 1920 — начала 1930 гг.

Ганц, со второй половины 1930 гг. — Николас Хэнс, один из самых авторитетных англоязычных педагогов-компаративистов, после второй мировой войны соредактор «Педагогического ежегод-

¹ Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. Авторы выражают глубокую признательность доценту Е.Г. Масловой за неоценимую помощь в работе с гессеновскими материалами архива.

ника» (Year Book of Education), ведущего педагогического издания Великобритании, автор нескольких монографий, до сих пор вызывающих серьезный интерес специалистов по анализу систем школьного образования во всем мире, познакомился с Гессеном в 1923 г. в Праге на Первом съезде деятелей средней и низшей русской школы за границей, где представлял Группу русских учителей в Лондоне [см.: 3, с. 6–64]. С этого времени начинается сотрудничество Ганца с журналом «Русская школа за рубежом», фактическим редактором которого Гессен оставался все годы его издания [см.: 7]. Ганц публиковал здесь статьи, заметки, рецензии, информацию в разделе «Хроника», а также выступал с отзывами о журнале в русской и английской периодике, представлял редакцию журнала на международных педагогических конференциях [см.: 3]. Эти отношения приобрели дружеский характер после поездки Гессена в Англию в 1929 г. В «Моем жизнеописании» ученый вспоминал: «Поездка эта была для меня чрезвычайно поучительна. В Лондоне я жил в доме сотрудника “Русской школы за рубежом” Н.А. Ганца, с которым близко сошелся. Благодаря miss Koritchoner и Н. Ганцу я имел возможность основательно познакомиться с английской педагогической литературой и педагогическим движением в Англии. Впоследствии я вместе с Ганцем (N. Hans) издал по-английски и по-немецки книгу о педагогике и школе в Советской России» [2, с. 798]. Благодаря Ганцу Гессен становится автором «Педагогического ежегодника». Сам Ганц, в 1934 г. получивший британское подданство, с середины 1940 гг. занимает должность профессора сравнительной педагогики в Лондонском Королевском колледже. В 1948 г., с выходом его фундаментальной монографии «Педагогическая компаративистика», он становится одним из самых известных педагогов-компаративистов в англоязычном образовательном пространстве. После смерти ученого его супруга передала обширный архив мужа в библиотеку Института образования Университетского колледжа [см.: 11].

Письма Гессена в архиве Ганца являются очень важными документами, проливающими свет не только на отдельные эпизоды биографии Гессена, но и на многие события эмигрантской жизни второй половины 1920–1940 гг. Первое письмо в архиве датировано 18 октября 1926 г., последние написаны в начале февраля 1950 г., за несколько месяцев до внезапной смерти от сердечного приступа. Далеко не все письма дошли до нас. Так, в архиве Ганца нет писем за 1928 г., хотя, как указано в финансовых документах редакции за этот год² и

² ГАРФ. Ф. Р-6111. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

в отчетах по почтовым и канцелярским расходам «конторы журнала “Русская шк<ола> за рубежом”» с 15 апреля по 15 декабря 1928 г.³ ему были посланы 3 письма и 3 открытки, а также оттиски статей и редакционные бланки. Есть основания предполагать, что неатрибутированное письмо на бланке «Русской школы за рубежом» от 4 сентября 1925 г. также принадлежит Гессену. В пользу этого говорят и бланк журнала, и привычные темы и сюжеты: сообщение о предполагаемой публикации в ближайших выпусках присланных Ганцем статей и рецензий, в частности, «Народное образование в Шотландии и Ирландии» и “The Dalton Plan in ‘West Green School’”, возражения по поводу оценки Ганцем педагогических взглядов Дж. Джентиле и др.⁴ Отсылки к предшествующей переписке содержатся и в первом из сохранившихся писем. На бланке «Русской школы за рубежом» Гессен пишет: «Дорогой Николай Адольфович, не сердитесь на меня за то, что я так непозволительно долго не отвечал Вам. Я все лето проболел, должен был даже подвергнуться операции в Вене, почему и не был на пражском пленуме Бюро. А по возвращению в Прагу сразу же обступило меня столько дел, что я только теперь и начинаю справляться со временем»⁵.

Эта переписка продолжалась 25 лет и велась на двух языках: после войны Гессен часто пишет своему другу по-английски. При этом его корреспондентами оказываются и Ганц, и его супруга Грейс («Грация Германовна»), с которой он обсуждает бытовые проблемы. Так, 3 февраля 1950 г. он, высказывая благодарность за присланные в Лодзь посылки с продуктами, пишет: «Дорогая мисс Хэнс, я только что получил посылку, отправленную мне Сэлфриджиз, 30 ноября 1949 г., как это указано в адресованном мне бланке. Это та самая вторая посылка, про которую друг Николас писал мне в августе о том, что Вы беспокоитесь, что она по содержанию хуже первой. Однако моя жена нашла ее восхитительной, и я могу выразить только самую искреннюю благодарность за нее. Три дня назад я написал Вам письмо (в ответ на Ваше) с сообщением, что до меня не дошли обе посылки. Теперь оно верно лишь наполовину. Вкладываю письмо для Сэлфриджиз. Пожалуйста, передайте им его, если сочтете нужным»⁶.

³ ГАРФ. Ф. Р-6111. Оп. 1. Д. 11. Л. 13, 21 об.

⁴ Письмо Н.А. Ганцу от 4 сентября 1925 г. // Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. NH/4/1/7.

⁵ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 18 октября 1926 г. // Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. NH/4/10.

⁶ Письмо С.И. Гессена Г. Ганц от 3 февраля 1950 г. // Там же.

Поскольку архив самого Гессена вместе с перепиской сохранился лишь частично, а большой массив рукописей и других материалов, как сетовал он сам в «Моем жизнеописании», сгорел в дни варшавского восстания [2, с. 785, 795, 797, 809], нет возможности говорить с определенностью о судьбе писем Ганца. Отчасти их содержание восстанавливается по письмам Гессена. Тематика писем чрезвычайно разнообразна: это не только сугубо деловой диалог редактора журнала и его автора, хотя и он дополняет существенными деталями представления о редакционной жизни «Русской школы за рубежом» с извечной нехваткой денег на издание, необходимостью выплаты гонораров и погашения паев и т. п. Трудности, впрочем, не препятствие для обсуждения научных дел. Так, Гессену представляется значительным событием защита Ганцем в Лондонском университете докторской диссертации “History of Russian Educational Policy”; ему очевидны открывающиеся для ученого перспективы: «Прежде всего поздравляю Вас от души с защитой диссертации. Очень был бы рад за Вас, если бы Вам удалось устроиться в Англии. Америка уж слишком далеко, хотя в некоторых отношениях она м<ожет> б<ыть> и интереснее для “политика народного образования”. Сообщите, каковы Ваши планы сейчас, — пишет он и добавляет уже в конце письма: — Ждем от Вас “хроники” и рецензий. Пришлите для редакции, когда выйдет, Вашу англ<ийскую> диссертацию»⁷. Гессен всерьез заинтересован в достаточно близких ему по направленности работах Ганца. Сообщая автору свое мнение о присланной для журнала статье «Школьная система Александра I», в основу которой легли материалы одной из глав диссертации, он высказывает ряд серьезных замечаний, в частности, по поводу интерпретации новых источников по истории российского образования: «Я прочел Вашу статью с большим интересом. Думаю, что доказать новый источник русского школьного законодательства и системы — мемуары Кондорсе — Вам вполне удалось. Это *очень* интересно: Ваша работа идет в pendant к работам покойного М. Винавера, показавшего влияние французского code Napoleon на наш Устав. Мне это особенно приятно: Кондорсе — мой давний герой, еще в 1920 г. в своей работе “Политич<еские> идеи жирондистов” (Русск<ая> мысль, ноябрь 1920) я посвятил и Кондорсе (мемуары), и его La Girondone (проекту Конституции) много времени и внимания. Следы этого видны и в моей “Основы педагогики”. — Но все же, мне кажется, у Вас есть некоторые преувеличения, излишние для доказательства

⁷ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 18 октября 1926 г. // Там же.

основного тезиса и потому, как все излишнее, вредящее даже ему. А именно: Вы для университетского Устава 1804 г. совершенно исключаете влияние немецких (почему немецких — вообще средне-европейских, в том числе польских, краковского!) университетов (стр. 18). Хотя сами Вы подробно прослеживаете влияние польской Эдукац<ионной> Комиссии (что тоже само по себе очень интересно, хотя и уже указывалось в литературе). Между уставом 1804 года и проектами Кондорсе имеются *существенные* различия, которые нельзя игнорировать»⁸. Критика Гессена носит конструктивный характер. По его признанию, она направлена на то, чтобы помочь авторской концепции обрести большую убедительность, и завершается общим выводом: «...статья Ваша *чрезвычайно* интересна, и если вся Ваша книга такова, то я Вас поздравляю»⁹.

Отметим, что внимание Гессена к публикации Ганца продиктовано не только научным интересом, но и желанием ввести исследования лондонского педагога в русскоязычный педагогический контекст. Как свидетельствует содержание письма, корреспондентами уже обсуждалась возможность публикации по-русски книги «Принципы школьной политики». Вот как объясняет Гессен неудачу проекта: «Сейчас перспективы для печатания совсем плохи. Русская акция очень и очень сокращается. В том числе “Пламя” с нового года закрывается (формы ликвидации его еще окончательно не решены). Так что оно не только ничего не принимает нового, но и расторгает старые договоры. Есть еще только одна (слабая) надежда. Это принятие М<инистерст>вом моей записки о преобразовании Русск<ого> Педаг<огического> Ист<итута> в учено *<так!>*-исследов<ательское> учреждение из учебного (вместо полного закрытия). Я еще не теряю надежды на принятие этого проекта. Тогда в “Трудах Института” Вашей работе будет по праву место (даже в виде отдельной книжки). То же касается и Вашей диссертации»¹⁰. Возвращение к разговору о диссертации приводит к приписке на полях: «Примечание к статье (что она часть диссерт<ации>) непременно сохраняю. Я даже не прочь поместить в “Хронике” заметку о защите Вами диссертации. Сообщите подробности, точное заглавие книги, имя профессора и т. д.»¹¹.

⁸ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 18 октября 1926 г. // Там же. Здесь и далее курсив передает выделенное автором письма.

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 18 октября 1926 г. // Там же.

¹¹ Там же.

С каждым годом тон писем Гессена становится все более откровенным, порой приближаясь к исповедальному. Он сообщает о разных событиях в своей жизни, не столько радостных, сколько печальных. «Я уже несколько дней нахожусь в Берлине, где 3-го похоронил свою маму, внезапно заболевшую и скончавшуюся в четыре дня, — пишет он 8 декабря 1930 г. — Это большой удар для всей нашей семьи, которая ею одной держалась. Я ей всем был обязан, что я есмь»¹². На бытовые неурядицы, сокращение жалования по службе, безденежье накладываются события политической и культурной жизни. «Главные неприятности мои были в связи с сокращением внутри нашего Института. И в будущем году я не получу полного жалования! — сообщает он 26 октября 1931 г., но даже на таком фоне ему представляется трагическим закрытие редактировавшейся И.В. Гессеном в течение 10 лет берлинской газеты «Руль», одного из самых авторитетных изданий русской эмиграции: — А затем — прекращение «Руля». Я не был сотрудником «Р<уля>», но я подавлен его концом. И по существу (это такой подарок большевикам), и за отца. Очень, очень это грустно»¹³.

Кажущаяся безысходность жизненной ситуации преодолевается ученым благодаря исключительной работоспособности. В, казалось бы, невыносимых условиях он не прекращает научной деятельности, публикуясь не только в эмигрантских, но и в немецких, чешских, польских, итальянских изданиях, выступая с докладами на съездах и конференциях, перед учительской аудиторией в разных странах Центральной Европы, осваивая новые дисциплины и готовя новые лекционные курсы к ним. Можно предположить, что именно работа становится спасением от депрессии, хотя часто ему кажется, что силы на исходе. «Ваше последнее, столь дружественное и ласковое письмо очень меня тронуло. Значит, Вы не сердитесь на меня за мое действительно возмутительное долгое молчание. Не писал же я Вам вследствие все того же своего обыкновения: когда дела мои плохи и заботы одолевают, я испытываю полный «письменный» паралич и откладываю даже неотложные письма со дня на день, а дни бегут так быстро, что и не замечаешь пропущенных сроков.

Вот скоро и год прошел. Если Вы спросите, как провел я этот год, я ответить Вам не сумею. Дела мои до сих пор пребывают в состоянии отчаянном»¹⁴, — начинает он письмо от 24 декабря 1932 г.

¹² Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 8 декабря 1930 г. // Там же.

¹³ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 26 октября 1931 г. // Там же.

¹⁴ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 декабря 1932 г. // Там же.

Чтобы вырваться из «мышеловки» (так Гессен сам определяет свою ситуацию в письме от 24 мая 1932 г.), он готов взяться за любую работу, соглашается на должность преподавателя русского языка для студентов-славистов в Немецком университете в Праге, под псевдонимом «Сергей Макаров» (по девичьей фамилии родной матери) пишет по-чешски учебник русского языка для слушателей чешских заочных курсов. Для него не становится препятствием даже политическая репутация возможного места публикации. Так, отвечая на предложение Ганца написать статью для белградского «Руски архив», он пишет: «О “культ<урной> пятилетке” для “Р<усского> архива” я готов написать. Я теперь перестал уже быть разборчивой невестой и готов взяться за любую работу, хотя “Совр<еменные> зап<иски>” и посмотрят косо на мое участие в “Р<усском> архиве”. Но это сейчас неважно. Буду ждать письма Махина с указанием страниц»¹⁵.

Одной из особенностей эпистолярного дискурса Гессена следует назвать способность автора к смене регистров и интонаций. Многие из дошедших писем отражают строго деловой стиль и как нельзя лучше представляют Гессена как автора масштабных издательских проектов. Немногие из них, к сожалению, были успешны, причиной чего прежде всего стал разразившийся в Европе и надолго затянувшийся экономический кризис, к которому с 1933 г. добавился кризис политический. Приход нацистов к власти в Германии поставил крест на планах Гессена занять должность в одном из немецких университетов и резко ограничил возможности публиковаться в немецких изданиях и издательствах, гонорары от которых составляли самую существенную часть его заработков. Показательна в этом отношении история английской публикации соавторской книги Гессена и Ганца «Школьная политика в советской России». 30 марта 1930 г. Гессен делится с соавтором своим видением экономических перспектив издания: «Признаться, я не так уж огорчен, что Саре отказал и что мы издаем книгу у King’a на свой страх и риск. Я совершенно убежден в том, что 500 экз<емпляров> будет продано и не только Ваш риск будет покрыт, но и получится £60–70 доходу. Но я не сомневаюсь в том, что в течение года по выходе разойдутся еще 250 экз<емпляров>, и т<аким> обр<азом> наш доход будет вдвое больше того, который мы получили бы от Саре’a. Жалко, конечно, что Вам приходится все же рисковать 50 фунтами, и мне очень грустно, что я не получу никакого аванса в моем нынешнем *очень* затруд-

¹⁵ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 мая 1932 г. // Там же.

нительном положении. Но зато в будущем мы получим безусловно больший доход. Печатать, разумеется, нужно 1000 экз<емпляров>. Ведь около 100 экз<емпляров> разойдутся рецензионных и бесплатных, а 750 будет в течение 2 лет продано во всяком случае. Я сам постараюсь устроить более активную продажу в Америке (если до этого Вы не поедете туда сами, чего от души Вам желаю). Я думаю, надо будет связаться с антикомм<унистическими> Лигами, предложив им распространять нашу книгу»¹⁶.

Гессен не романтический прожектор: он трезво и объективно оценивает самые разные предложения. Так, он сразу соглашается на бесплатную публикацию перевода своей статьи в педагогическом журнале Чикагского университета, а полученное им от Ганца письмо преподавательницы Японского женского университета в Токио Й. Шода сопровождает следующим комментарием: «Кто же этот японец — он или она (Women's University!)? Разумеется, дайте ему согласие, но предложите хотя бы три последние главы перевести с немецкого текста, а я бы предложил ему даже весь перевод делать с немецкого текста как исправленного и дополненного. Разумеется также — требуйте гонорар (хотя бы 5£, я бы попросил больше — 10£), хотя я с Вами согласен: дело не в гонораре и на худой конец можно от него отказаться. Смущает меня только отвратительный англ<ийский> язык письма. Впрочем, понять англ<ийский> текст легче, чем писать по-английски»¹⁷.

Близость политических взглядов Гессена и Ганца во многом объясняет ту откровенность, с которой автор делится предчувствиями угрозы, вырастающей перед Европой. Поездки в Германию ко все еще остающемуся в Берлине отцу, переписка с русскими и немецкими друзьями и коллегами позволяют ученому воссоздать достаточно объективную картину в письме от 24 апреля 1933 г. Несколько месяцев власти Гитлера кардинально, по его мнению, меняют немецкую жизнь, превращая ее в повседневный кошмар. В отличие от Ганца, получающего информацию из газет, Гессен информирован настолько, что делает попытку раскрыть глаза собеседнику, излагая собственное видение ситуации: «...я перехожу к вопросу о германских событиях, которым Вы посвящаете столько места в Вашем письме. Должен сказать, что Ваше письмо меня очень огорчило своей совершенной неосведомленностью и, я бы сказал, поверхностностью суждения. Оговорюсь в начале: никакой “личной трагедии”

¹⁶ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 30 марта 1930 г. // Там же.

¹⁷ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 22 декабря 1931 г. // Там же.

я не испытываю и пишу сейчас не как лицо “еврейского происхождения”, а как демократ и приверженец свободы и права — и только»¹⁸. Пожалуй, именно в этом письме обнаруживается наглядный пример «космополитичности» [см.: 10, т. 3, с. 98], глубокой европоцентричности самоидентификации Гессена-мыслителя: «Немецкие евреи как таковые меня мало трогают: сам я только наполовину еврей (по крови), по своему сознанию я совершенно чужд еврейству, хотя, разумеется, не антисемит, как в этом упрекает меня часто моя жена (еврейка). И не с еврейской точки зрения я сужу о гитлеровской Германии, а с точки зрения человеческой и немецкой (как человек, воспитанный на немецкой культуре и ее любящий), — в этом отношении, действительно, можно говорить о моей “личной трагедии”. Преступность гитлеризма заключается к тому же не в том, что он преследует евреев (как преступность большевизма заключалась не в том, что он преследовал “буржуев”, среди них и евреев в числе, превосходящем во много раз количество евреев в Германии). “Еврей” в гитлеровской Германии чисто абстрактное понятие, как и “кулак” и “буржуй” в СССР. Onus probandi¹⁹, что ты не еврей, лежит на жертве. Напр<имер>, среди уволенных профессоров имеется Tillich (сын и внук пастора, теолог, но соц<иал>-дем<ократ>, хотя, как “религиозный социалист”, и решительный враг марксизма), Dehn (как пастор, противник марксизма, но и “пацифист”). Уволен, напр<имер>, также без пенсии 68-летний Ф.А. Браун, мой бывший декан, сейчас бывший профессором в Лейпцигском ун<иверсите>те и два года тому назад уже выслуживший пенсию. Он — чистый “ариец”, но во время Войны, будучи деканом Петерб<ургского> ун<иверсите>та, подписал воззвание “против германских зверств”. Таких примеров я знаю десятки и даже сотни!»²⁰.

Для Гессена происходящее в Германии не пример «особого пути» немецкого народа, а закономерный результат установления тоталитарной диктатуры, несущий, что он особо подчеркивает, разрушение духовных основ европейской цивилизации. Неприятие тоталитаризма, понимание его пагубности для судеб страны дает ему основания предсказать грядущий крах режима: «Понимаете ли Вы, что все это означает? Это означает, что вся Германия охвачена сейчас приступом животной злости, ненависти, подозрения, доказательства, страха, пресмыкательства: знакомый нам, русский, результат

¹⁸ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 апреля 1933 г. // Там же.

¹⁹ Бремя доказательства (лат.).

²⁰ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 апреля 1933 г. // Там же.

“диктатуры пролетариата”. Гитлеризм — это тот же большевизм, в котором, однако, отразился характер “народа”: дисциплина, мещанство, “порядок”, солдафонство. Разумеется, все, что делает Гитлер, глупо, и он страшно вредит Германии (французы, поляки и чехи очень довольны, как довольны соседи России большевизмом). Но ведь и Ленин, и Сталин вредили России и делали глупую политику — и от этого она не была менее преступной. Страшна не только изоляция Германии и ее экономическое разорение, которое последует в результате гитлеризма. Страшна моральная деморализация, развращение души народной, хотя оно и называется сейчас — “*nationale Erhebung*”²¹ и “*Deutschland Erwachen*”²². Сейчас Германия переживает тот же зловерный и мнимый подъем, как и в 1914 году, а реальность и итоги будут те же, что и в 1918–1920 гг. Это совершенно то же, что и в России, завоеванной большевиками.

По сравнению с Россией зрелище еще более позорное. Мы *все* бо-ролись. Разврат начался после 1922 г. А в Германии: *все* забегают вперед, пресмыкаются, не протестует никто. Цензуры на книги нет, а мой издатель из “политич<еских> соображений” боится издать книгу, в которой, как он сам пишет, “*durchaus fachlich*”²⁴ и “*objektiv*” излагается судьба фашистской школьной реформы»²⁵.

Политические события остаются одной из важных тем в переписке Гессена и Ганца. «Никакого коммунизма сейчас в России нет, — пишет он в письме от 27 июля 1935 г., — что прекрасно знают не только ссылаемые и расстреливаемые коммунисты, но и те, кто их ссылают и расстреливают»²⁶. Однако большее внимание авторы писем уделяют все же подробностям личной жизни, научным планам и конкретным достижениям друг друга. К середине 1930 гг. Гессен принимает решение оставить Прагу и перебраться в Польшу, где для него открываются радужные перспективы педагогической и научной деятельности [см.: 5]. Насколько благоприятно влияют на Гессена происходящие с переездом в Варшаву в 1935 г. перемены в жизни, мы можем судить именно по письмам Ганцу. Ему есть на что жаловаться, но это загруженность работой, огромное число проектов и дел, на которые уходит практически все время. «Не отвечал Вам так долго, т<ак> к<ак> конец семестра потребовал от меня

²¹ национальный референдум (нем.).

²² пробуждение Германии (нем.).

²³ *durchaus fachlich* — абсолютно профессионально (нем.).

²⁴ объективно (нем.).

²⁵ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 апреля 1933 г. // Там же.

громадного напряжения сил. Кроме 8 часов в Варшаве и 5 часов в Лодзи регулярных лекций мне пришлось в январе прочесть еще 5 докладов (4 из них по-польски). <...> Успех моих лекций превзошел здесь все мои ожидания. Вообще мне в Варшаве до чрезвычайности повезло», — делится он с Ганцем 3 февраля 1936 г.²⁷. Нет сомнений, что именно переезд в Польшу и успешно складывающаяся там академическая карьера дают импульс новым творческим поискам ученого: заметно расширяется круг интересующих его педагогических и философских вопросов, тематика публичных выступлений, возникают новые издательские проекты. В нем вновь просыпается редактор и организатор: «В связи с моим курсом меня очень интересует вопрос о статистических показателях, наилучше характеризующих структуру данной школьной системы и пригодных для сравнения систем различных стран. Когда обработаю эту главу, пошлю ее Вам. Вы — самый компетентный человек в этом вопросе, и я очень хотел, чтобы Вы исправили мои предположения. Отчего бы Вам не написать специальной работы на эту тему? Это — очень важный вопрос, имеющий даже междунар<одное> значение, а у Вас есть опыт знания как у мало кого. Напишите! Обещаю Вам устроить Вашу статью на эту тему на 4-ех языках»²⁸.

Отдельный сюжет этого периода — новый брак. Лирической интонацией проникнут рассказ другу, которому можно доверить самое сокровенное, в письме от 9 декабря 1936 г.: «Давно не писал Вам, но извинением моим да будут важные события в моей личной жизни. События такие случаются не часто, и очень трудно о них писать в системе: всего не расскажешь, а кратко писать — значит ничего не сказать. А как же я могу такому другу, как Вы, не написать ничего? За это время я развелся с женою (т<о> е<сть> разошлись мы еще раньше — еще до моей первой поездки в Варшаву) и женился снова в Варшаве. Жена моя — Мария Карловна Немская — полька, я с ней работал весь последний год вместе. Она — социолог и практический social worker²⁹, писательница и даже поэтесса. В связи с этим я окончательно решил остаться в Варшаве <...>»³⁰.

Последнее довоенное письмо датировано 26 декабря 1938 г. Поздравляя Ганца с Новым годом, Гессен подводит итоги года про-

²⁶ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 27 июля 1935 г. // Там же.

²⁷ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 3 февраля 1936 г. // Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ социальный работник (англ.).

³⁰ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 9 декабря 1936 г. // Там же.

шедшего, очень удачного и для них обоих, обозначает перспективы совместной работы, в частности, приводит жесткий график подготовки своей статьи для следующего тома «Педагогического ежегодника»³¹. Трудно сказать, почему в архиве нет писем за 1939 г. Одна из возможных причин — большая загруженность Гессена в первой половине следующего года и летняя поездка Ганца в США.

Возобновляется переписка после войны. 19 мая 1945 г. Гессен, не зная, что происходило с друзьями в военные годы, живы ли они, остался ли у них прежний адрес, пишет письмо на английском языке в явной надежде на то, что ему не дадут затеряться. Это письмо — лаконичный рассказ о пережитом: «<...> все мои рукописи и все, что было в моей квартире, погибло в пожарах, устроенных немцами во время Варшавского восстания. Мы с женой смогли спасти только свои жизни и были вынуждены жить после восстания в деревне у друзей, а затем в маленьком провинциальном городке у сестры жены. Мой младший сын после восстания оказался в числе военнопленных, а мой старший сын был арестован в Праге и отправлен в концентрационный лагерь, я почти не надеюсь, что он жив»³².

Постепенно переписка входит в привычное русло: Гессен радуется успехам друга, делится своими новыми идеями, охотно обсуждает статьи, которые пишет для «Педагогического ежегодника». Ганц с женой, в свою очередь, стараются по возможности облегчить существование друга в разоренной войной стране, отправляя ему продукты и выполняя его просьбы. Например, заказ крайне необходимых для Гессена очков потребовал от Ганца немалых усилий, связанных с неправильно оформленным рецептом и необходимостью соответствующих консультаций: «Дорогой Николай Адольфович, сердечно благодарю Вас и Грацию Герман<овну> за хлопоты в связи с очками для меня. Ваш оптик оказался прав. Я пошел к моему коллеге-профессору, и он поправил рецепт. (Предыдущий рецепт был выписан его ассистентом). Посылаю Вам копию нового рецепта, в котором указаны также расстояния между зрачками и от глаза до уха. Я уже так долго мечтаю о бифокальных очках, что могу подождать еще три месяца»³³.

1 февраля 1950 г. Гессен пишет Ганцу оптимистическое по настроению письмо, в котором традиционно обсуждаются и научные проблемы, и вопросы быта: «Очень был рад получить Ваше пись-

³¹ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 26 декабря 1938 г. // Там же.

³² Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 19 мая 1945 г. // Там же.

³³ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 30 января 1946 г. // Там же.

мо и узнать, что Вы здоровы и благополучны и — главное — закончили свою новую книгу. Ваша теза в корне противоречит тезе С. Norwood'a (English Tradition of Education), утверждавшего, что 18-ое столетие было в Англии самым “темным” — по сравнению даже со Средними Веками. <...> Последнее время я чувствую себя значительно лучше и 16 февр<ая> возобновляю чтение лекций (от 1–15 у нас перерыв между семестрами, во время которого — экзамены). Завидую Вашей работоспособности и от души желаю Вам успеха и еще в дальнейшем.

P.S. С осени этого года в Лондоне живет школьная подруга жены, большая наша приятельница. Чтобы не обременять Вас все время мелочами и поручениями, прошу Вас переслать ей остающиеся еще у Вас мои деньги. Она не так занята, как Вы, и охотно возьмется за исполнение поручений моих и жены»³⁴.

Это последнее письмо Гессена из хранящихся в архиве Ганца. Следующее письмо из Лодзи, написанное по-французски, придет уже от Марии Гессен — с сообщением о смерти мужа и прошедших похоронах. Ганц откликнется на уход друга некрологом, в котором будут такие строчки: «Его идеи были приняты многими педагогами и оказали заметное влияние. Он настойчиво подчеркивал необходимость использования социологического метода в педагогике, широко признанного сегодня. Гессен был большим поклонником Англии и английских традиций и был бы рад увидеть английское издание “Основ педагогики”. В личном плане это был очень мягкий и добрый человек, которого любили студенты и друзья во многих странах. Страдания и лишения военных лет стали причиной болезни сердца, и все последние годы Гессен мог писать и преподавать только благодаря постоянной заботе и вниманию его жены. Его смерть — потеря не только для всех славянских стран, но и для дела образования во всем мире» [8, с. 92].

В настоящее время нами готовится издание писем С.И. Гессена Н.А. Ганцу с необходимым научным аппаратом. Будем надеяться, что эта публикация станет достойным дополнением к тому корпусу эпистолярного наследия русской эмиграции, решающая роль в подготовке и издании которого принадлежит О.А. Коростелеву.

³⁴ Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 1 февраля 1950 г. // Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. NH/4/10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. В.В. Набоков: Pro et contra / сост. Б.В. Аверина, М.Э. Маликовой, А.А. Долинина. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 974 с.
2. Гессен С.И. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 960 с.
3. Киржаева В.П., Осовский О.Е. На повороте: Н.А. Ганц в русско-английском педагогическом пространстве 1920–1930-х годов. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. 236 с.
4. Осовский О.Е. Сохраняя «духовное лицо» русской литературы: Подлинная история «Современных записок» в архивных материалах и примечаниях к ним // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 353–371.
5. Осовский О.Е., Киржаева В.П. «Итак — кончается уже окончательно мой пражский период»: Жизнь С.И. Гессена на фоне мемуаров и эпистолярная 1920–1930-х годов // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 132–145. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-132-149
6. Осовский О.Е., Киржаева В.П. [Рец. на:] М. Шруба. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 292–295. DOI: 10.31425/0042-8795-2020-4-292-295
7. Осовский О.Е., Киржаева В.П. С.И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: Из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х — начала 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 202–228. DOI: 10.17223/19986645/48/15
8. Осовский О.Е., Киржаева В.П., Вишленков С.Г. и др. Сергей Иосифович Гессен: Биография, наследие, историко-педагогические контексты. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. 125 с.
9. Сергей Иосифович Гессен / под ред. В.В. Сапова, Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2020. 447 с.
10. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О.А. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011–2014.
11. In memoriam Nicholas Hans: The man, his books, his papers / ed. by R. Williams. London: University of London. Institute of Education Library, 1975. 133 p.

Источники

12. Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. NH/4/10.
13. Nicholas Hans Archive in University College, London, Institute of Education. NH/4/1/7.
14. Государственный архив РФ. Ф. Р-6111, оп. 1, д. 11.

REFERENCES

1. V.V. Nabokov: *Pro et Contra*, comp. by B.V. Averin, M.E. Malikova, A.A. Dolinin. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 1997. 974 p. (In Russian)
2. Gessen, S.I. *Izbrannoe [Selected Works]*. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2010. 960 p. (In Russian)
3. Kirzhaeva, V.P., and O.E. Osovskii. *Na povorote: N.A. Gants v russko-angliiskom pedagogicheskom prostranstve 1920–1930-kh godov [At the Turn: Nicholas Hans in the Russian-English Pedagogical Space of the 1920s–1930s]*. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2018. 236 p. (In Russian)
4. Osovskii, O.E. “Sokhraniiaia ‘dukhovnoe litso’ russkoi literatury: Podlinnaia istoriia ‘Sovremennykh zapisok’ v arkhivnykh materialakh i primechaniakh k nim” [“Preserving the ‘Spiritual Face’ of Russian Literature: the True History of ‘Sovremennye Zapiski’ in Archival Materials and Notes to Them”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2016, pp. 353–371. (In Russian)
5. Osovskii, O.E., and V.P. Kirzhaeva. “‘Itak — konchaetsia uzhe okonchatel’no moi prazhskii period’: Zhizn’ S.I. Gessena na fone memuarov i epistolariia 1920–1930-kh godov” [“‘So, My Prague Period is Finally Ending’: The Life of S.I. Gessen against the Background of Memoirs and Epistolary of the 1920s–1930s]. *Voprosy filosofii*, no. 1, 2021, pp. 132–145. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-132-149 (In Russian)
6. Osovskii, O.E., and V.P. Kirzhaeva. “M. Shruba. Slovar’ psevdonimov russkogo zarubezh’ia v Evrope (1917–1945)” [“M. Shruba. Dictionary of Pseudonyms of Russian Abroad in Europe (1917–1945)”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2020, pp. 292–295. DOI: 10.31425/0042-8795-2020-4-292-295 (In Russian)
7. Osovskii, O.E., and V.P. Kirzhaeva. S.I. Gessen i “Russkaia shkola za rubezhom’: Iz istorii pedagogicheskoi zhurnalistiki rossiiskogo zarubezh’ia 1920-kh — nachala 1930-kh gg.” [“Russian School Abroad’: From the History of Pedagogical Journalism in the Russian Abroad in the 1920s — early 1930s.”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia*, no. 48, 2017, pp. 202–228. DOI: 10.17223/19986645/48/15 (In Russian)

8. Osovskii, O.E., Kirzhaeva V.P., Vishlenkov S.G. et al. *Sergei Iosifovich Gessen: Biografiia, nasledie, istoriko-pedagogicheskie konteksty* [*Sergei Iosifovich Gessen: Biography, Heritage, Historical and Pedagogical Contexts*]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2020. 125 p. (In Russian)
9. Sapova, V.V. and T.G. Shchedrinoi, editors. *Sergei Iosifovich Gessen* [*Sergei Iosifovich Gessen*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2020. 447 p. (In Russian)
10. Korostev O.A., and M. Shrubu, editors. "Sovremennye zapiski" (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii: v 4 t.* ["Sovremennyye zapiski" (*Paris, 1920–1940*). *From the editorial archive: in 4 vols.*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011–2014. (In Russian)
11. Williams, R., editor. *In memoriam Nicholas Hans: The Man, His Books, His Papers*. London, University of London. Institute of Education Library Publ., 1975. 133 p. (In English)

Дата поступления статьи: 13 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 02 августа 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: December 13, 2021

Approved after reviewing: August 02, 2022

Date of publication: October 07, 2024